

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

*Сергей Петрович Дуреев, канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социальных наук,
e-mail: drvsp@yandex.ru, тел. 8(391) 251 43 09,
Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М. Ф. Решетнёва,
<http://www.sibsau.ru>*

В статье раскрывается, что в российской версии либеральной концепции местного самоуправления формирование органов местного самоуправления основано на механической системе «народного представительства». Доказывается, что реализация российской версии либеральной концепции местного самоуправления сопровождается огосударствлением органов местного самоуправления, превращением их в низовой уровень вертикали власти, который должен стать школой для подготовки всех субъектов социального и политического взаимодействия.

Ключевые слова: местное самоуправление, местное сообщество, псевдосфера функционирования, сфера жизнеутверждения, либерализм, евразийство

Россия по преимуществу страна местного самоуправления; такова она в её настоящем, таковой была всегда, останется и в будущем; самоуправление (местное) предсказано всем ходом нашей истории, особенностями общественного уклада России и даже географическим ее расположением

С.Ю. Витте [Самодержавие и земство. 1908. С. 16]

Либерализм, получивший своё начало в философии нового времени благодаря развитию представлений о «естественной» свободе человека, был противопоставлен способу производства коллективистского общества, абсолютизму и господству религиозного учения. При всём многообразии версий либерализма, общим является специфика способа производства свободного общества и специфика способа производства свободного человека [см.: 1]. Реализация любой версии либерализма основана на утверждении индивидуализма, обретения свободы от любых ограничений, в том числе и от институтов государства, на материалистическом понимании сферы жизнеутверждения местного сообщества. Нормы права гарантируют свободной личности удовлетворение практически любых потребностей, кроме покушения на свободу государства [2].

Жизнеспособность либерализма, его проникновение и утверждение в России, стало возможным по ряду причин. По мнению В.Н. Лексина, либерализм «стал инстинктивно близок индивидуально утверждающейся личности с её постоянно возрастающей жадой и энергией доминирования в качестве лидера в массе не-лидеров. И точно так же ведут себя партии, корпорации и государства. Свобода становится единственным условием конкуренции во всех её видах <...> «либерализм» и производные от него слова редко используются в законах, но определения «правовое», «светское», «гражданское», «демократичное», «цфедеральное» применительно к характеристике большинства государств есть лишь обозначения тех или иных граней либерализма» [3].

В настоящее время под влиянием «Европейской хартии о местном самоуправлении», которая является обобщением европейского опыта, в России происходит становление новой модели местного самоуправления, отличной от моделей земского и советского периодов.

С.П. Дуреев

Если в Европейской хартии местное самоуправление выступает как «право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах населения» [4], то Конституция Российской Федерации указывает [5], что «Россия – есть демократическое федеративное правовое государство (ст. 1) <...> социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7) <...> светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 14). В России «признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» (ст. 12); что органы местного самоуправления обеспечивают «самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью» (ст. 130); «органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы <...> решают иные вопросы местного значения <...> органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями <...> реализация переданных полномочий подконтрольна государству» (ст. 132).

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает, что местное самоуправление в нашем государстве признаваемое и гарантируемое Конституцией Российской Федерации «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций» [6].

С одной стороны, современное законодательство исходит из того, что органы местного самоуправления в пределах псевдосферы своего функционирования (установленной государством) самостоятельны и не входят в систему органов государственной власти: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (ст. 3) [5]. В данном случае отделение местного самоуправления от органов государственной власти, выделение его в самостоятельный институт предполагает определённую самостоятельность органов местного самоуправления.

С другой стороны, самостоятельность органов местного самоуправления в решении местных дел относительна. Являясь самостоятельными, органы местного самоуправления наделяются отдельными государственными полномочиями. Совокупность полномочий, их исполнение регулирует поведение органов местного самоуправления, т. е. псевдосфера функционирования органов местного самоуправления находится в сфере воздействия государства.

Российская версия либеральной концепции местного самоуправления предполагает свой тип самоуправления, в котором псевдосфера функционирования органов местного самоуправления устанавливается государством. Стандартом естественности для местного сообщества, основанного на верховенстве норм права, выступает первичность материального по отношению к идеальному, единичного над общим. Следовательно, в качестве сущности объявляются единичные материальные сущности, а существованием является их произвольное описание с помощью разнообразных понятий. Данный стандарт естественности поддерживается основными

принципами либерализма – принципами свободы, индивидуализма, социального атомизма и пр., которые обеспечивают верховенство норм права над другими социальными нормами. Таким образом, псевдосфера функционирования органов местного самоуправления ограничена нормами права, обеспечивающих соблюдение и защиту прав и свобод членов местного сообщества.

В частности, защиту прав и свобод каждого человека утверждает Конституция Российской Федерации [5]. Она начинается со слов: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации <...> утверждая права и свободы человека <...> незыблемость её демократической основы». Далее содержание преамбулы раскрывается в тексте основного закона государства. Там прописано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). Каждый член местного сообщества обладает «всеми правами и свободами» (ст. 6). Защита прав и свобод человека как фундаментальное основание либеральной концепции местного самоуправления раскрывается следующим образом. Согласно Конституции РФ на её территории «признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права <...> Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ст. 17). Защита прав и свобод членов местного сообщества «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления» (ст. 18). Конституция РФ запрещает «любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» (ст. 19). И далее, каждый член местного сообщества имеет право «на жизнь» (ст. 20), «на свободу и личную неприкосновенность» (ст. 22), «на неприкосновенность частной жизни» (ст. 23), «определять и указывать свою национальную принадлежность» (ст. 26), «на объединение <...> свобода деятельности общественных объединений гарантируется» (ст. 30), «участвовать в управлении делами государства <...> избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления» (ст. 32), «свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию <...> право на отдых» (ст. 37), «на жилище» (ст. 40), «на образование» (ст. 43) и т. д. «Достоинство личности охраняется государством» (ст. 21). Каждому члену местного сообщества гарантируется «поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, защита частной, государственной, муниципальной и других форм собственности» (Ст. 8), «свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой» (ст. 28), «свобода мысли и слова» (ст. 29), «социальное обеспечение» (ст. 39), «государственная защита прав и свобод человека» (ст. 45), «судебная защита его прав и свобод» (ст. 46). Конституция РФ объявляет «идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность» (ст. 13) «Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 14). И, наконец. Конституция РФ устанавливает верховенство норм права над другими социальными нормами, она «имеет высшую юридическую силу, прямое действие <...> законы и иные правовые акты <...> не должны противоречить Конституции Российской Федерации» (ст. 15). Конституция устанавливает равенство всех социальных субъектов перед законом (ст. 19): общественных объединений (ст. 13) и религиозных объединений (ст. 14), органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц и граждан (ст. 15).

Таким образом, реализация в России либеральной концепции местного самоуправления предполагает распространение принципов свободы и индивидуализма

на сферу жизнеутверждения местного сообщества. Ведущая роль в регулировании сферы жизнеутверждения местного сообщества, в том числе и функционирования органов местного самоуправления, отводится не внутренним законам нравственности, идеалам правды, добра и справедливости, а только нормам права. Нормы права имеют приоритет по отношению к другим социальным нормам в регулировании сферы жизнеутверждения местного сообщества.

Так, право выбора морали занижает значение норм морали, сформированных под воздействием культурно-исторических условий. Реализация свободы выбора идеологии занижает значение норм идеологии, реализация свободы выбора религии снижает значение религиозных норм. Подобным образом происходит занижение всех социальных норм, в том числе традиций и обычаев, определяющих бытие всех народов евразийского пространства. Реализация принципов свободы, индивидуализма, социального атомизма в либеральной концепции местного самоуправления предполагает первичность индивида по отношению к обществу, существование личности вне всякой связи с другими социальными образованиями (государство, общественные организации): у человека формируется чувство превосходства над всем и таким образом провозглашается свобода воли индивида, насаждается индивидуализм с его стремлением удовлетворять непрерывно растущие материальные потребности.

Порочная природа индивидуализма делает его источником многих неразрешённых социальных противоречий современного российского общества. Западный рационализм и западный индивидуализм успешно развивался в социальной среде, где преобладала конкуренция в рыночных отношениях, где насаждались диктат потребительства и ценности индивидуалистского общества, где отсутствовала потребность совершенствования общественных отношений, где бытие общества основано на произвольном конструировании социальной реальности и репрезентации действительности. В сфере жизнеутверждения местного сообщества, построенной на произвольном конструировании социальной реальности и репрезентации действительности, нарушена диалектическая связь и единство субъекта и объекта, изменены представления о предмете труда – «наиболее прибыльным и коммерчески эффективным бизнесом стало преобразование не вещей, но живого человеческого сознания, как индивидуального, так и коллективного» [7].

Копирование ценностей западной либеральной демократии нарушает целостность коллективистского общества, разрушает общинное сознание народа и границы гражданской свободы. Интересы бизнеса ставятся выше гражданских прав и свобод членов местного сообщества. Н.Н. Алексеев об этом писал так: «Современная демократия есть олигархия живущего ныне взрослого поколения над нацией как целым, олигархия, которая в то же время сама не может управлять и ищет себе заместителя, реального политического деятеля. Таким деятелем и является политическая партия, организующая голосующий корпус и подменяющий своей волей мнимую волю голосующего корпуса» [8].

Таким образом, различные способы производства общества и способы производства жизни индивида определили различие в образе социального бытия русского человека и человека западного поведения. «Как бы мы не стремились сегодня копировать Европу, – утверждал Л.Н. Гумилёв – мы не сможем достичь их благосостояния и их нравов, потому что наш уровень пассионарности, наши императивы предполагают совсем иное поведение» [9]. Подобной точки зрения придерживаются все сторонники укрепления российской государственности и противники либерализации общественных отношений. Например, С. Г. Волобуев пишет, что «у России не может быть «простой» идентичности: цивилизационная и геополитическая идентичность России может быть только полифоничной, «внутренне-многополярной» <...> Россия <...> призвана мыслить себя как евразийская держава» [10]

Особенность евразийского способа производства общества и способа производства жизни индивида детерминирована отношениями, благодаря которым в существовании каждого отдельно взятого человека воспроизводится целостность, всеединство сущего (Природы и общества). В осуществлении этих отношений раскрывается природа человека. При этом онтологической основой существования человека остаются отношения познания и преобразования действительности. Благодаря таким отношениям человек постигает всеединство сущего. Индивидуализация отношений не должна ограничивать свободу, а способствовать развитию индивидуальной сущности человека, формированию его личностного и профессионального потенциала, которые найдут реализацию в управлении сферой жизнеутверждения местного сообщества.

Отечественный социальный опыт указывает на необходимость демократизации всех сфер общественного бытия, где важнейшей функцией внутреннего управления сферой жизнеутверждения местного сообщества является наиболее полное включение в управленческую деятельность всех его членов. Основная задача указанной функции – создание простора для саморазвития членов местного сообщества в решении вопросов сферы их жизнеутверждения. Включение в управленческую деятельность всех членов местного сообщества формирует общий интерес и чувство ответственности как каждого человека в отдельности, так и местного сообщества в целом. В этом случае человек привыкает не только самостоятельно решать вопросы сферы своего жизнеутверждения или осуществлять контроль за ходом общественного развития, но и обретает подлинную свободу, основанную на внутренних законах нравственности, идеалах добра и справедливости. «Человек – это категория, привязанная к социальности, к общественности, к множественности. Нужно понимать, что проблема свободы для индивида является абстракцией, неприменимой даже в порядке теоретического конструирования, приближенном более-менее к реальности. Человек может быть свободен только внутри себя <...> он может выбрать между добром и злом. И ничего иного. Никто ему в этом ничего не может предписывать, не может его в этом контролировать, ни наказывать – никто, кроме его совести» [11].

По своей сути, создание простора для саморазвития членов местного сообщества и есть правильно поставленное местное самоуправление. Мы считаем, что полное включение в управленческую деятельность всего населения приведёт к увеличению числа независимых, истинно свободных людей, имеющих самоограничение, способных самостоятельно принимать решения и жить по совести, по собственному разуму. Однако западный индивидуализм, копирование стандартов естественности индивидуалистского общества не привели к становлению местного самоуправления, самостоятельности местного сообщества в решении вопросов сферы своего жизнеутверждения.

Итак, реализация либеральной концепции местного самоуправления предполагает защиту индивидуальных прав и свобод, соблюдение которых гарантирует безопасную псевдосферу функционирования для органов местного самоуправления. Соответственно и члены местного сообщества в сфере своего жизнеутверждения должны вступать в сотрудничество исключительно ради личной выгоды, для удовлетворения своих индивидуальных потребностей. Назначение норм права сводится к определению степеней свободы как для членов местного сообщества, так и для органов местного самоуправления.

Механический транзит в Россию плодов развития европейской цивилизации всегда завершался бюрократической профанацией. «Некоторые правовые нормы, ориентированные на западные модели, – подчёркивает А.Н. Дементьев, – без существенного изменения вносились в законы о местном самоуправлении» [12]. В результате, российская версия либеральной концепции местного самоуправления даже не предусматривала наделение органов местного самоуправления собственностью. А

собственность выступает необходимым условием свободы – это основа, субстанция любой власти. Обладая таким мощным и эффективным ресурсом как собственность, органы местного самоуправления превратились бы в самостоятельных и свободных субъектов внутреннего управления сферой жизнеутверждения местного сообщества. Подобная практика организации местного самоуправления, согласно теории либерализма, послужила бы началу разгосударствления.

Модернизация общественной жизни, проходившей под сильным давлением и контролем западных стран, по точному выражению В. И. Кудашова, определялась формулой – «*между «реальностью» и жизнью на «самом деле»*» [13]. «*В реальности»* органы местного самоуправления объявлялись самостоятельным и независимым от государства уровнем власти. А на «самом деле», между государством и органами местного самоуправления сложились такие отношения собственности, которые способствовали их постепенному огосударствлению. В муниципальную собственность передавались предприятия социально-культурного и коммунально-бытового назначения, неликвидное имущество предприятий-должников (банкротов), которое не могло быть продано в ходе конкурсного производства. Подобная практика значительно уменьшала материально-экономический потенциал местного самоуправления, сокращала псевдосферу функционирования органов местного самоуправления, снижала их способность самостоятельно решать вопросы сферы жизнеутверждения местного сообщества. Огосударствлению способствовало, во-первых, расширение количества переданных на местный уровень государственных полномочий, а во-вторых, субсидии государства и субъектов Федерации на финансирование тех проектов, которые представляют для них интерес.

Подобной точки зрения придерживаются авторы монографии «*Взаимодействие государства и гражданского общества*». Н.Т. Аврамчикова, в результате исследования специфики взаимодействия государства с органами местного самоуправления отмечает, что «*сегодня в России более 24 тысячи муниципальных образований, и практически все они дотационны. Финансирование объектов социальной сферы (здравоохранения, образования, культуры и т. д.), наиболее приближенных к гражданам, осуществляются почти исключительно из государственного бюджета через органы власти субъектов Федерации <...> вся сложившаяся схема распределения налогов, не стимулирует муниципалитеты к развитию собственной экономики <...> муниципалитеты переходят в режим ожидания финансовой помощи «сверху» <...> всё большее значение приобретают не дотации, направления расходования которых определяется самими муниципалитетами, а субсидии, т. е. доленое участие вышестоящего уровня бюджетной системы в расходах, которые субъект Федерации считает необходимыми»* [14].

Таким образом, «*в реальности»* реализация либеральной концепции местного самоуправления призвана обеспечить защиту индивидуальных прав и свобод членов местного сообщества, т. е. обеспечить верховенство единичного (индивидуального) над общим (целым), первичность материального по отношению к идеальному. В этом случае функционирование органов местного самоуправления должно соответствовать определениям свободного субъекта. На «самом деле» Конституция РФ закрепляет положение [5], согласно которому «*права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены <...> в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»* (ст. 55). Следовательно, на «самом деле» границы псевдосферы функционирования органов местного самоуправления значительно сужаются. Минимизируется и самостоятельность органов местного самоуправления – они подлежат огосударствлению и превращаются в низовой уровень вертикали власти. В результате огосударствления положение органов местного самоуправления стало соответствовать определениям трансцендентального субъекта.

Для членов местного сообщества понятие «либеральная демократия» представляет не столько возможность расширения степеней свободы, сколько совокупность некоторых демократических процедур (местный референдум, сход граждан, муниципальные выборы и др.), произвольно конструирующих демократический мир, репрезентирующих саму возможность местного сообщества решать вопросы местного значения. Недостаток материально-экономического потенциала, отсутствие реальной власти и зависимость органов местного самоуправления от органов государственной власти субъектов Федерации раскрывают ограниченные возможности местного самоуправления в решении вопросов сферы жизнеутверждения местного сообщества. Поэтому для членов местного сообщества понятие «либеральная демократия» раскрывает, по выражению Н.Н. Алексева, механическую систему «народного “представительства”» [15].

В результате репрезентации демократических процедур в организации местного самоуправления, закрепления механической системы «народного “представительства”» органы местного самоуправления формируются из представителей крупного, реже среднего и малого бизнеса. Для них местное самоуправление является не столько сферой жизнеутверждения местного сообщества, в которой решаются вопросы местного значения, сколько специфическим уровнем власти. Представители бизнеса прекрасно понимают, что органы местного самоуправления являются составной частью единой системы политического и социального управления всеми сферами общественного бытия, они выступают специфическим каналом управления страной. Н.С. Розов, в своей фундаментальной монографии, показывает возможность становления реальной демократии, раскрывает возможные пути действительного, а не имитационного демократического устройства нашего государства в будущем. Этот путь «сложен, непривычен, требует значительных нравственных, интеллектуальных, волевых, организационных усилий <...> отказа от социальных привычек и материальных выгод, фактически – это < > «горный перевал», требующий слаженной, напряжённой работы <...> с особыми правилами политического взаимодействия» [16].

Понимая важность местного самоуправления для укрепления российской государственности, Президент России В. В. Путин в статье «Демократия и качество государства» подчеркнул, что «демократия большого государства складывается из «демократии малых пространств». Местное самоуправление – это «профессионально-политическое училище», которое формирует ключевые компетенции начинающего политика: способность договариваться с разными социальными и профессиональными группами, понятно доносить свои идеи до людей, защищать права и интересы своих избирателей, в этой связи «профессиональную закалку» политики и государственные администраторы должны получать именно в системе местного самоуправления» [17].

Следовательно, местное самоуправление должно стать школой формирования и поддержания таких связей и отношений между членами местного сообщества, между местным сообществом и государством, с помощью которых должно раскрываться согласованное единство всех субъектов социального и политического взаимодействия. Институт местного самоуправления должен стать прообразом порядка в общественных отношениях, когда решения принимаются и исполняются на основе принципа «всем миром», «всей землёй».

Выше мы неоднократно показывали, что всякая деятельность по принципу «всем миром» соответствует евразийской концепции местного самоуправления. А евразийство основано на симфонии единства государства и народа, институтов государства и органов местного самоуправления. Поэтому государство должно стать оформлением внешней формой этого единства, а народ должен выступать в качестве внутренней формы этого единства, а все субъекты социального и политического взаимодействия будут выступать как симфонические субъекты. Например, Л.Н. Гумилёв неоднократно повторял, что будущее за евразийством, здесь мы должны искать друзей, «англичане,

французы и немцы <...> могут быть только хитроумными эксплуататорами. <...> Россия будет спасена только как евразийская держава и только через евразийство» [18].

Итак, реализация российской версии либеральной концепции местного самоуправления ориентирована на западные модели местного самоуправления без учета культурных, исторических традиций и многоэтнической евразийской гражданской общности. Экспансия западной культуры, вследствие распада советской системы стимулировала рост возможности культурного выбора. Причём выбор этот ограничивался либеральным стандартом естественности – первичности материального по отношению к идеальному, единичного над общим, поддерживаемыми принципами индивидуализма, свободы, потребления и т.п. Указанные принципы являются совершенно нормальными и естественными для индивидуалистского общества. Но мало вероятно, что эти ценности могут когда-нибудь составить основу общественных отношений коллективистского общества, так как Запад и Россия в своём историческом развитии шли разными путями. П. Н. Савицкий по этому поводу писал, что в культурное бытие России «вошли элементы различнейших культур. Влияния Юга, Востока и Запада, перемежаясь, последовательно главенствовали в мире русской культуры» [19]. Социальность русского общества, как общества коллективистского типа, совершенно противоположна социальности западных обществ, как обществ индивидуалистского типа. Если в странах Запада потребление и накопительство являлось смыслом жизни индивидов, то «на Руси и в социалистической экономике в большинстве своём накопительство не являлось стимулом, а богатство целью» [20].

Выводы

С одной стороны, в российской версии, государство, как субъект управления высшего порядка, поступает по «праву сильного». Оно формирует с помощью норм права псевдосферу функционирования для органов местного самоуправления: наделяет их правами и полномочиями. Но, при этом, государство не предоставляет свободу органам местного самоуправления, оно вмешивается и контролирует границы наличной псевдосферы их функционирования. Увеличивая степень своего влияния, огосударствляя и превращая органы местного самоуправления в низовой уровень вертикали власти, государство проникает и в сферу жизнеутверждения местного сообщества.

Если к государству, как субъекту управления высшего порядка, можно применить определения свободного субъекта, то к органам местного самоуправления, в большей степени, соответствуют определения трансцендентального субъекта. Государство, через нормы права, «предписывает» каким образом должны поступать органы местного самоуправления в границах псевдосферы своего функционирования: что и как надлежит делать в вопросах местного значения. Российская версия либеральной концепции местного самоуправления предполагает широкое многообразие псевдосфер функционирования для органов местного самоуправления. Но это многообразие псевдосфер зависит не от степеней свободы органов местного самоуправления, а от того, какие цели государство ставит перед каждой конкретной территорией.

В сфере жизнеутверждения местного сообщества среди всей совокупности социальных норм большое значение приобретают внутренние законы нравственности, идеалы правды, добра и справедливости. Диалектически, противоречивое взаимодействие социальных норм, должно придать местному самоуправлению иной вектор развития, восстановить коллективистский тип социальных связей и обеспечить совершенство общественных отношений, когда решения в вопросах сферы жизнеутверждения местного сообщества принимаются и исполняются «всем миром», «всей землёй».

Литература

1. Дуреев С.П. Концепции местного самоуправления в метафизической методологии // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2013. № 3. С. 11–21.
2. Дуреев С.П. Институты государства и органы местного самоуправления в системе метафизической методологии // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2014. № 3(9). С. 40–46.
3. Лексин В.Н. Либеральная идея и её российской воплощение // Либерализм: теория, состояние, прогноз. Материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 5. М.: Научный эксперт, 2010. С. 93–104.
4. Европейская Хартия о местном самоуправлении // Муниципальная власть. 1997. № 1. С. 52.
5. Конституция РФ (основной закон). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 18.10.2011).
6. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Ред. от 25 декабря 2008 г. (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 10 января 2009 г.). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 18.10.2011).
7. Кудашов В.И. Достоинство философа в современном мире (Субъективные заметки по поводу III Российского философского конгресса) // Теория и история. 2002. № 1. С. 93.
8. Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Основы евразийства. М.: Арктогея Центр, 2002. С. 345.
9. Гумилёв Л.Н., Ермолаев В.Ю. Горе от иллюзий // Основы евразийства. М.: Арктогея Центр, 2002. С. 472.
10. Волобуев С.Г. Смысл и задачи современного российского консерватизма // Современный российский консерватизм: сборник статей. М.: НП-Принт, 2011. С. 14.
11. Сулакишин С.С. Либерализм=эгоизм // Либерализм: теория, состояние, прогноз. Материалы постоянно действующего семинара. Вып. № 5. М.: Научный эксперт, 2010. С. 105–106.
12. Дементьев А.Н. О «Системе Советов» и земских учреждениях в России: возможные исторические параллели // Государство и право. 1996. № 8. С. 112.
13. Кудашов В.И. Россия в «реальности» и на самом деле // Теория и история. 2006. № 1. С. 107.
14. Аврамчикова Н.Т., Солоненко Н.Н. Взаимодействие государства и гражданского общества: монография; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2013. С. 114–115.
15. Алексеев Н.Н. Там же.
16. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. С. 391.
17. Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. № 20П (4805). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения 18.10.2013).
18. Гумилёв Л.Н. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава // Основы евразийства. М.: Арктогея Центр, 2002. С. 482.
19. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 82.
20. Моисеева Н.А. Глобализация и «русский вопрос» // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 14.

Russian model of local self-government

Sergey Petrovich Dureev, PhD in Philosophical Science, Assistant Professor Department of Philosophy and Social Sciences, Siberian State Aerospace University

The article is about forming of organs local self-government at mechanical system of «folk delegation» at Russian version of liberal conception of local self-government. There is proved that realization of Russian version of liberal conception of local self-government is accompanied with nationalization of organs of local self-government, their transformation in grass-roots level power vertical, which must become a school for preparing of all subjects of social and political interaction.

Keywords: *self-government, local society, pseudo-sphere of functioning, sphere of affirmation of life, liberalism, eurasianism*